

заведовал всеми работами. Дальнейшее руководство всеми этими работами принадлежало ВТО Главного штаба.

В этот же период Полевой штаб Дунайской армии, опасаясь возобновления войны с Османской империей, потребовал скорейшего исправления части листов 10-верстной карты Европейской Турции с учетом результатов съемки. Исполняя это задание, генерал-майор А.Г. Ернефельт составил по материалам съемки две 5-верстные карты, которые были отпечатаны в Адрианополе на турецких литографских камнях, найденных в местной типографии, и разосланы в войска в мае 1878 г.

В целом за время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. военные топографы выполнили съемочные работы на площади 10,6 тыс. кв. верст. При этом 70 % площади приходилось на глазомерную съемку и рекогносцировку, 20 % – на полуинструментальную съемку и только 10 % – на инструментальную. Съемку проводили в полуверстовом и наиболее распространенном верстовом масштабах. Тираж карт и планов, отпечатанных походной литографией, составил свыше 11 тыс. экз. За период с 12 ноября 1876 г. по 4 сентября 1878 г. в войска Дунайской армии было выдано более 44 тыс. различных карт и планов [4].

Топографическое обеспечение русской армии в период войны 1877 – 1878 гг. оказало огромное влияние на ход боевых действий и способствовало победоносному для России окончанию войны. Военные топографы под руководством Н.Д. Артамонова в сложных условиях выполнили колоссальный по масштабу, трудоемкости и степени важности объем работ. Корпус военных топографов русской армии

показал высокий профессионализм и вышел на качественно новый уровень топографо-геодезической и картографической деятельности.

Источники и литература

1. Артамонов, Н.Д. Отчет о деятельности Военно-топографического отдела Полевого штаба и об астрономических, геодезических и топографических работах, произведенных чинами отдела во время войны 1877 – 1878 гг. / Н.Д. Артамонов // Записки ВТУ Главного штаба. – СПб., 1903. – Т. LX. – Отд. II. – С. 169 – 190.
2. Виноградов, В.И. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и освобождение Болгарии / В.И. Виноградов. – М., 1978.
3. Глушков, В.В. Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф / В.В. Глушков. – М., 2007.
4. Глушков, В.В. О топографических работах в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. / В.В. Глушков, Е.И. Долгов // Геодезия и картография. – 1998. – № 4. – С. 55 – 59.
5. Керсновский, А.А. История русской армии. 1700 – 1881 / А.А. Керсновский. – Смоленск, 2004.
6. Очерки истории российской внешней разведки: от древнейших времен до 1917 года: в 6 т. – М., 1999. – Т. 1.
7. Постников, А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России / А.В. Постников. – М., 1989.
8. Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. глазами ее участников / сост. Н.В. Ильина, Л.Я. Сает. – М., 2001.
9. Русско-турецкая война 1877 – 1878. – М., 1977.
10. Скрицкий, Н.В. Балканский гамбит. Незвестная война 1877 – 1878 гг. / Н.В. Скрицкий. – М., 2006.
11. Стародымов, Н. Военный географ и разведчик / Н. Стародымов // Независимое военное обозрение. – 2000. – № 33. – С. 7.

УДК [947+957] «18»

Л.Ю. Гусман

ПУБЛИЦИСТИКА РУССКИХ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируются отклики русской либеральной публицистики эпохи Великих реформ на конституционные преобразования в Австрии 1860 – 1867 гг. Автор приходит к выводу, что именно австрийский политический опыт – сильная императорская власть, центральное выборное представительство с ограниченными правами и административная децентрализация представлялся для российских либералов (таких, как ранний М.Н. Катков) оптимальной политической моделью для России.

Конституция, либерализм, Россия, Австрия, Польша, реформа, исторический источник.

The article analyzes the response of the Russian liberal journalism of "the Epoch of the Great reforms" to the constitutional reform in Austria in 1860s-1867s. The author comes to the conclusion that the Austrian political experience with strong imperial power, the central elective representation with limited rights and administrative decentralization seemed to be the best political model for Russia. (For ex. M.N. Katkov).

The Constitution, liberalism, Russia, Austria, Poland, reform, history source.

Публицистические работы русских конституционалистов второй половины XIX в. представляют собой важный источник, позволяющий, с одной стороны, увидеть, как политические события на Западе

воспринимались русскими либералами, а с другой – данные работы позволяют глубже охарактеризовать политические взгляды этой группы русского общественного движения. Такая возможность открывает-

ся потому, что участники идейной борьбы в России внимательно следили за политической борьбой за рубежом, особенно в Западной Европе, и происходившие там события оказывали значительное воздействие на русское общество.

Основной особенностью западноевропейской политической жизни конца 1850-х – начала 1860-х гг. стала окончательная победа конституционалистских идей. Прекратили существование абсолютные монархии в Италии, а в Австрии были созданы зачатки народного представительства. К 1862 г. в Европе остались только две самодержавные монархии – Турция и Россия.

Эта победа представительного образа правления дала повод британской королеве Виктории торжественно заявить в тронной речи 1861 г.: «Было время, в конце прошлого столетия, когда Англия была единственной страной, которая могла похвалиться настоящими представительными, конституционными учреждениями. <...> Теперь нам приятно знать, что этот пример принес свои плоды. <...> Материк уже не представляет обширного лагеря деспотизма, и мы с удовольствием видим, что свободные учреждения введены в нем от Средиземного до Немецкого моря» [23, с. 14].

События в Европе служили предметом воодушевления для многих русских либералов. У известного эмигранта-конституционалиста П.В. Долгорукова были определенные основания утверждать в 1861 г., что: «Без политических учреждений дельных, без конституции, никакая страна в мире не может в наше время, пользоваться благоденствием, ни даже безопасностью» [7, с. 264].

Тот факт, что конституцию получили многие страны, не превосходившие Россию по своему социальному развитию и уровню грамотности, служил важным аргументом против доводов о неготовности империи к столь решительному преобразованию. Русские конституционалисты на протяжении всей второй половины XIX в. доказывали подготовленность страны к отказу от абсолютизма и не скрывали зависти к государствам, получившим конституцию. П.В. Долгоруков в 1861 г. выступал против утверждения о том, что «Россия не созрела для правления конституционного», ссылаясь при этом на опыт Сербии, Испании и других государств [7, с. 249]. Следовать по европейскому пути призывал российское правительство Н.И. Тургенев [25, с. 35]. Идею о том, что «Россия способна жить конституционной жизнью» активно отстаивал В.В. Берви-Флеровский [4, с. 485]. А.Х. Христофоров в 1904 г. высказался еще более определенно: «...считать Россию недостойной пользоваться тою степенью политической свободы, которую имеют Сербия, Греция, Румыния, Болгария, Япония и все народы Европы, кроме одной Турции – значит оскорблять национальное достоинство России» [27, с. 41].

Приверженцы введения в России конституции считали, что отказ от самодержавия послужит сильным стимулом для подъема экономики, ссылаясь, как и в других случаях, на опыт Западной Европы, а особенно, стран-соседей Российской империи, введ-

ших у себя представительный образ правления [5, с. 177], [9, с. 4 – 5], [22, с. 87].

Разумеется, русская либеральная подцензурная пресса не была способна откровенно высказывать свои конституционалистские симпатии, но она активно использовала «эзопов язык» [28, с. 197], демонстрируя свое отношение к несомненным, с ее точки зрения, преимуществам парламентаризма. Особенно удобным объектом для конституционалистских сочинений, имевших в виду ситуацию в России, стало положение дел в Австрии, чем, по словам Л.Ф. Пантелеева, «печать и воспользовалась для критики наших порядков под видом австрийских» [18, с. 524].

Причина подобной мягкости цензуры легко объяснима. Империя Габсбургов, считавшаяся Николаем I верной союзницей, в годы Крымской войны заняла позицию недружественного нейтралитета по отношению к России. Такая роль Австрии, не отблагодарившей Россию за помощь при подавлении венгерской революции 1848 – 1849 гг., воспринималось всеми идейными течениями русского общества как откровенное предательство. Сама история русско-австрийских отношений интерпретировалась как время постоянных измен и обманов со стороны Австрии. Об этом говорил и Александр II [2, с. 129], и критик его политики конституционалист П.В. Долгоруков [8, с. 12].

Дарование конституции Австрии в 1860 г. стало важным аргументом в пользу введения в России представительного правления [17]. Так, А.И. Кошелев прямо утверждал: «При конституционализме, все более и более утверждающимся в Европе и завоевывающем даже Австрию, теперь всякий призыв граждан к участию в общественных делах своевременен, благовременен и не требует никаких посторонних оправданий» [13]. А известный либеральный публицист Н.В. Альбертини, анализируя в 1863 г. австрийский опыт введения конституции, заявлял: «Австрия, страна – нам очень близкая и населенная, по преимуществу, племенами нам очень родственными; по условиям своего народного и политического быта она несравненно ближе подходит к нам, чем Англия, Франция или Пруссия; по развитию цивилизации многие части империи Габсбургов ушли недалеко вперед сравнительно с любым краем нашего обширного отечества. Наконец австрийский опыт – самый последний, и произведен был с величайшею предусмотрительностью, с самыми тщательными предосторожностями, с должным вниманием к опытам чужих стран и других народов. Вот отчего так интересны для нас эти опыты» [3, с. 72].

Мы намеренно привели столь обширную цитату, поскольку в ней достаточно ясно проявились настроения некоторых русских конституционалистов, которые полагали, что именно конституционная Австрия явится образчиком для России. Отметим и попытку Альбертини доказать, что социокультурные особенности Российской империи не только не являются препятствием для введения представительного образа правления, но и сближают ее с Австрией. Иначе говоря, если уж форпост абсолютизма – госу-

дарство Габсбургов отказывается от неограниченной монархии, то аналогичное решение русского правительства казалось вопросом самого ближайшего времени. Известно, например, что полуконституционный проект П.А. Валуева 1863 г. ориентировался именно на австрийскую модель государственного устройства [24, с. 143].

Желания русских либералов откровенно выразил неизвестный публицист газеты «Сын отечества», заявивший в 1863 г.: «В минуты важных государственных кризисов, подобных настоящему положению России, ничто не может быть лучшим лекарством, как обновление <...> так поступила Австрия в октябре 1860 г. когда расстройство финансовых дел и решительная невозможность их поправить заставила венский кабинет ввести важные политические преобразования» [20, с. 249].

Политический обозреватель радикального журнала «Русское слово» Э. Реклю с нескрываемым сочувствием цитировал юмористический рассказ австрийца, вернувшегося на родину после издания конституции: «Как! Мои вещи осматривались только на границе, я не вижу более полиции, у меня не спрашивают ни паспорта, ни зачем я приехал, ни сколько у меня денег; шпионы более не преследуют меня на каждом шагу, я не обязан являться в комиссариат: — да точно ли это Вена? — действительно ли я в Австрии? Я решительно в недоумении! Мною овладевает страх» [14, с. 10]. Э. Реклю прозрачно намекал на то, что многие жители Российской империи хотели бы испытать такой же «испуг», возвращаясь в собственную страну.

Особенное сочувствие к австрийскому конституционализму выражалось в русской публицистике во время польского восстания 1863 – 1864 г., когда отказ от абсолютизма и созыв Земской думы воспринимался большинством российского общества как единственный путь сохранения единства империи. Предоставление Царству Польскому статуса, который имела в составе Австрии Галиция, т.е. «поглощение Польши Россией в свободу» [1, с. 2], активно пропагандировалось, в частности, М.Н. Катковым. Исследователи катковского публицистики времен польского восстания не обращали внимания на тот факт, что резко негативное отношение этого журналиста к польским революционерам сопровождалось постоянными призывами к России последовать примеру Австрии – создать центральное общеимперское представительство с депутатами от Царства Польского. Для Каткова польский вопрос был неотделим от конституционного: «Польша в политическом отношении должна находиться в полнейшем политическом единстве с Российской империей, она должна быть составной частью Российской империи...» [12, с. 929]. При этом автор активно ссылался на австрийскую модель: «Новое государственное устройство Австрии рассчитано на то, чтобы центральное ее правительство имело твердую опору в народных представительствах всех составных частей ее, чтобы эти части не стремились врознь (sic!) как прежде, а имели надежное для себя средоточие, наконец оно рассчитано на то, чтобы отнять у них повод и осно-

вательные причины к жалобе. <...> Австрия имеет теперь готовый ответ на жалобы Галиции. Хочет ли Польша находиться в таком же политическом положении, каким пользуется Галиция? Ничего лучше для России быть не может. Если Европа и Польша будут успокоены и удовлетворены этим, то Россия может подать им обе руки на таких обоюдно выгодных и приятных условиях» [11].

Но М.Н. Катков и напрямую высказывал восхищение конституционными переменами, происшедшими в Австрии. В октябре 1863 г., именно в то самое время, когда он писал П.А. Валуеву: «Представительство необходимо, необходимо без замедления. Не какая-либо фальшивая хартия, изданная для эффекта, а постоянное, действительное, здоровое представительство есть необходимость безотлагательная» [10, с. 611]. В катковском еженедельнике «Современная летопись» появился редакционный пересказ подробной статьи лондонского журнала «Economist», посвященной австрийским преобразованиям под многозначительным заглавием «Успехи Австрии». Будущий «цепной пес самодержавия» напечатал текст, который прямо пропагандировал австрийскую модель конституционного переустройства как путеводную звезду для абсолютных монархий, как панацею. Приведем обширные цитаты из этой публикации, доселе не попадавшей в поле зрения исследователей, но ключевой для понимания политической программы Каткова начала 1860-х гг.: «В «Economist» под заглавием «Успехи Австрии на ее новом пути» напечатана статья о колоссальных успехах, совершенных Австрией за последние четыре года, со дня гибельного сольферинского крушения; успехах всесторонних, как в отношениях политическом и государственном, так и в отношении общественном и экономическом. «Четыре года, – говорит «Economist», – протекшие с того времени, как итальянская война 1859 г. сломила силу австрийской армии и отторгла от империи едва ли не самую богатейшую ее провинцию, были для Австрии достаточны, чтобы к общему и величайшему удивлению преодолеть затруднения, которые казались непобедимыми. Хотя и за настоящим исполненным надежд и радостным для Австрии положением дел скрывается еще немало довольно серьезных опасностей, однако же нельзя не признать самым положительным образом, что стоящие ныне во главе австрийских дел государственные люди проникательно и смело избрали тот единственный путь, который если только они не сойдутся с него, приведет к полному возрождению страны». Опасности, грозившие Австрии после Сольферинского кризиса, «Economist» группирует так: 1. Во главе всего стояла отжившая система патриархально-деспотической власти с ее тяжело-весною и лениво-торжественною администрацией. Корона и правящая делами аристократия очутилась лицом к лицу перед Европой и собственной страной, как учреждения, низвергнувшие Австрию в прах. 2. Распря с Венгрией. 3. «Бедственное положение финансов и возрастающий с году на год огромный дефицит, вследствие прежней непомерной расточительности. Произвольная система бумажных

денег. 4. Феодалные, упорно-охраняемые регуляции промышленности. Система гильдий, корпораций, стеснений и монополий до такой степени подавляла энергию и способности населения, что народ, обладающий одной из богатейших в Европе почв, вошел в поговорку по своей бедности, непредприимчивости и неспособности. <...> Все эти недуги, по мнению "Economist", более или менее исцелены, если не на деле, то, по крайней мере, в принципе. Наиболее действующее целебное врачество в этом случае газета видит в парламентарной системе управления, введенной в Австрии. «Введенная императором парламентарная система, – говорит "Economist", – с представителями, избранными путем настоящих выборов, с гласными прениями, с свободой слова, совершенно изменила характер страны. Сидней Смит сказал верно, что страна не может ни разориться, ни подпасть действительному унижению, если в ней человек пятисот джентльменов имеет право собираться правительственных распоряжений и вопросов о податях» [24, с. 7]. Вполне возможно, что эта реклама Венской конституции была напечатана Катковым в качестве поддержки реформаторских идей Валуева, который, как уже отмечалось, симпатизировал либеральным реформам в империи Габсбургов.

Увлечение австрийской конституцией в России достигло апогея летом 1863 г., когда венский кабинет временно перехватил у Пруссии инициативу в деле объединения Германии, объявив о созыве во Франкфурте-на-Майне общенемецкого съезда. Западноевропейская печать, осуждавшая любой политический шаг доконституционной Австрии, на этот раз одобрила эту инициативу страны, отказавшейся от абсолютизма. В русском обществе стали активно распространяться мысли о том, что если Россия введет конституцию, подобную австрийской, то и международный авторитет и внутривнутренняя стабильность страны немедленно и значительно возрастут. Такие настроения нашли отражение в весьма различных по своему направлению газетах. Так, либеральный «Голос» восторженно писал: «Австрия мужественно решилась из государства абсолютного превратиться в государство с учреждениями свободными, конституционными. <...> И вот теперь, через два, через три года, Австрия в глазах Европы находится на такой высоте славы и величия, которая, может быть, в 1859 году, показалась бы Францу-Иосифу безумной мечтой» [19]. Отстаивавший интересы дворянства «Русский листок» также восторгался «поразительной живучестью» Австрии: «Благодаря прозорливости и находчивости ее государственных людей, Австрия нашла исход из безвыходного по-видимому положения, и – трудно сомневаться в этом теперь – успеет сплотить разноплеменные народы, ее составляющие» [21, с. 465]. Давний приверженец австрийского пути развития для России П.А. Валуев также восторгался политикой Франца-Иосифа, противопоставляя ее действиям российских властей: «Потрясенная снова и обрезанная Итальянскою войною 1859 г., затрудняемая на каждом шагу

Венгрией и Венецией, обремененная долгами и дефицитом, Австрия все-таки поднялась грозно нам и осадила Пруссию на второй план. Reichsrat (Центральное народное представительство в Австрийской империи – Л.Г.) и конференция во Франкфурте – две великие и смелые мысли. В Вене есть правительство. У нас – Комитет господ министров» [6, с. 242 – 243].

Таким образом, публицистические произведения русских конституционалистов представляют собой ценный источник, характеризующий не только политические изменения в западных державах, прежде всего, в Австрии, но и особенности политических идеалов русских либералов различных направлений. Анализ публицистики второй половины XIX в. показал, что именно новая, конституционная Австрия рассматривалась русскими либералами как образец для петербургского правительства. Хотя разгром польского восстания и усиление самодержавия в середине 1860-х гг. временно снял с повестки дня вопрос о перемене образа правления в России, тем не менее, русским путешественникам, подобно Ю.Ф. Самарину, еще долго приходилось отвечать на вопросы: «Когда же наконец для России наступит политическое совершеннолетие и когда она последует примеру Австрии?» [15, с. 197]. Хотя надежды либеральных публицистов начала 1860-х гг. на введение конституции в России не оправдались, их систематическое обращение к австрийскому опыту является важным, хотя и часто игнорируемым, элементом общественных настроений эпохи Великих реформ.

Источники и литература

1. Аксаков, И.С. <Передовая статья> / И.С. Аксаков // День. – 1863. – 4 мая.
2. Александр II – Папе Пию IX // Освободительное движение в России. – Саратов, 1999. – Вып. 17.
3. <Альбертини, Н.В.> Для чего в Австрии введена конституция и как ею пользуются? / Н.В. Альбертини // Отечественные записки. – 1863. – Т. 148. – № 5.
4. Берви-Флеровский, В.В. Три политические системы: Николай I-ый, Александр II-ой и Александр III-ий / В.В. Берви-Флеровский. – Лондон, 1897.
5. Бидерман, К. Представительные учреждения с народными выборами / К. Бидерман // Конституционное начало; его историческое развитие и его взаимодействие с политическим и общественным бытом государств и народов. – СПб., 1866.
6. Валуев, П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / П.А. Валуев. – М., 1961. – Т. 1.
7. Долгоруков, П.В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым / П.В. Долгоруков. – Париж, 1861. – Т. 2.
8. Долгоруков, П.В. О союзах России с Австрией / П.В. Долгоруков // Будущность. – 1860. – № 2. – 15 ноября.
9. Долгоруков, П.В. Что предстоит России? / П.В. Долгоруков // Будущность. – 1860. – № 1. – 15 сентября.
10. Катков М.Н. – Валуеву П.А. 16 сентября 1863 г. / М.Н. Катков // Катков М.Н. Собр. соч. – СПб., 2012. – Т. 5.
11. <Катков, М.Н.> <Передовая статья> / М.Н. Катков // Московские ведомости. – 1863. – 14 марта.
12. Катков, М.Н. Русский вопрос / М.Н. Катков // Русский вестник. – 1863. – Т. 43. – № 2.
13. Кошелев, А.И. Конституция, самодержавие и зем-

ская дума / А.И. Кошелев. – Лейпциг, 1862.

14. *Лефрен, Ж.* (Э. Реклю) Политика / Ж. Лефлен // Русское слово. – 1863. – № 5.

15. *Нольде, Б.Э.* Юрий Самарин и его время / Б.Э. Нольде. – М., 2003.

16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 89. – Д. 160.

17. ОР РНБ. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 102.

18. *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев. – М., 1958.

19. Политическое обозрение // Голос. – 1863. – 1 августа.

20. Политическое обозрение // Сын отечества. – 1863. – 12 мая.

21. <Редакционная статья> // Русский листок. – 1863. – 23 июня.

22. *Серно-Соловьевич, Н.А.* Размышления по поводу

статьи Г. Шилля о государственном или земском заемном банке / Н.А. Серно-Соловьевич // Серно-Соловьевич Н.А. Публицистика, письма. – М., 1963.

23. Современная летопись. – 1861. – № 14. – Апрель.

24. Согласие трех держав // Голос. – 1863. – 17 сентября.

25. <*Тургенев, Н.И.*> О нравственном отношении России к Европе / Н.И. Тургенев. – Лейпциг, 1869.

26. Успехи Австрии // Современная летопись. – 1863. – № 34.

27. *Христофоров, А.Х.* «Общее дело». История и характеристика издания. (Письмо к редактору «Освобождения») / А.Х. Христофоров // Освобождение. – 1902. – Кн. 1.

28. *Шелгунов, Н.В.* Воспоминания / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. – М., 1967. – Т. 1.

УДК 94(47).084

В.М. Курмышов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939 – 1940 гг.

В статье рассматривается деятельность Главного военного порта (г. Кронштадт) Балтийского флота в ходе Советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. по организации работы вспомогательного флота (плавающих средств) и автотранспорта, снабжению продовольствием, топливом, вещевым и шкиперским имуществом.

Советско-финляндская война 1939 – 1940 гг., г. Кронштадт, Главный военный порт Балтийского флота, вспомогательный флот, шкиперское имущество.

This paper considers the work of the Chief Military Port (Kronstadt) of Baltic Fleet during the Soviet-Finnish war of 1939th - 1940th on organization of the auxiliary fleet (craft) and vehicles, supply of food, fuel, clothing, and naval stores.

Soviet-Finnish War of 1939th -1940th, Kronstadt, Chief military port of the Baltic Fleet, auxiliary fleet, naval stores.

В ходе Советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. на Главный военный порт Краснознаменного Балтийского флота возлагались задачи по организации работы вспомогательного флота (плавающих средств) и автотранспорта, снабжению войск продовольствием, топливом, вещевым и шкиперским имуществом. Другие органы тыла Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) решали задачи артиллерийского, минно-торпедного, химического снабжения и вооружение, а также технические (судоремонт). Во время войны военным портам и другим органам тыла пришлось работать по штатам мирного времени, т.е. без объявления мобилизации. Мобилизационные и неприкосновенные запасы всех видов снабжения, кроме боеприпасов, не подлежали использованию, все должны были исходить из норм мирного времени и наличия текущих запасов. Работа военных портов и других органов тыла осуществлялась по двум направлениям – обеспечение боевых действий на море и на суше [5, л. 32].

В период обеспечения боевых действий вспомогательный флот КБФ ни по числу судов, ни по своему состоянию не отвечал предъявляемым к нему требованиям. Из 24 буксиров в ремонте находилось

9, из 6 плавающих кранов – 2, из 58 барж – 12. В некоторых базах совершенно не имелось собственных плавающих средств, что приводило к зависимости флота от гражданских организаций.

С особой остротой чувствовался недостаток специальных судов – плавающих кранов, плашкоутов, водолазных ботов, водоналивных барж и т.п. К тому же в начале войны вспомогательные суда были укомплектованы личным составом не более чем на две смены, а на многих единицах не хватало и на две. Кроме того, в неудовлетворительном состоянии находились и суда морского флота, мобилизованные в октябре – ноябре 1939 г. для нужд флота. Вопросами подбора подходящих для этой цели буксиров и пароходов ведало управление военно-транспортной службы, но ему приходилось довольствоваться зачислением в списки того, что имелось в наличии, т.е. старых, изношенных судов. Они по своим мореходным качествам и размерам не были пригодны для плавания в открытом море при ветре. В общей сложности в октябре – ноябре 1939 г. было мобилизовано 56 буксиров и прочих судов морского флота, которые пришлось дооборудовать и вооружать за счет средств военных портов КБФ [5, л. 34].